

Цэнь Сяо ловко выбрался из забитого переулочка на боковую улочку и припарковался у ворот государственного учреждения.

Ли Жун, опасаясь капнуть жирным соусом на одежду, наотрез отказался есть в салоне. Стоило машине замереть, он открыл дверцу и, чуть пригнувшись, принялся неспешно разворачивать обёрточную бумагу.

На улице было зябко. По-хорошему, устраивать трапезу на таком ветру не стоило, но голод впился в желудок так сильно, что юноше стало не до приличий. Он откусывал сочную лепёшку медленно, смакуя каждый кусочек.

Цэнь Сяо стоял рядом, держа в руках свой жоуцзямо, и наблюдал за ним. Он никогда не жаловал подобные изделия из теста, особенно если в них не было жгучего перца, но, глядя, с каким аппетитом ест Ли Жун, сам внезапно почувствовал голод.

Развернув порцию, он молча откусил кусок.

«Насколько же должен быть дорог тебе человек, — мелькнула мысль, — чтобы ради него ты начал менять даже свои вкусовые привычки?»

В начале ноября Ли Жун снова пришёл к площади с фонтаном в Университете А. Сегодня на его шее красовался тот самый синий шарф.

Настоящие холода ещё не наступили, поэтому желающих погулять с собаками или просто подышать атмосферой престижного вуза было предостаточно. Экскурсоводы, поправляя на поясах портативные усилители, вещали для групп пожилых туристов и молодых семей с детьми.

— Проходите сюда, не отставайте! — раздавался бодрый голос гида. — Мы находимся в знаменитом Университете А. Это высшее учебное заведение с вековой историей... Даю вам полчаса на фотографии, только, пожалуйста, не мешайте студентам.

На площади как раз проходил день обмена книгами. Стеллажи и импровизированные прилавки тянулись от входа в столовую до самого фонтана. Студенты теснились у лотков, выбирая что-нибудь по душе, чтобы обменять на принесённые с собой тома.

Ли Жун вспомнил, как Гу Нун приводила его сюда, когда он ещё учился в начальной школе. Тогда у него с собой была потрёпанная, зачитанная до дыр детская версия «Цзычжи Тунцзянь». Обойдя семь или восемь книжных развалов, он в итоге вернулся домой с полным

собранием первых изданий Penguin Classics в первозданном виде.

Ценность тех книг была несопоставима. Он притащил стопку в кабинет Ли Цинли, выложил на стол и, гордо вскинув подбородок, принялся хвастаться. Даже отец тогда не скрывал изумления. Хотя каждый год находились умельцы, выуживавшие из кучи хлама ценные экземпляры, обычно на это уходил целый день изнурительных поисков и бесконечных споров с владельцами. Никто и никогда не ухитрялся совершить столь выгодный обмен за одно утро.

Ли Цинли осторожно перелистал страницы, убеждаясь, что это подлинники в идеальном состоянии — полный комплект, привезённый из-за границы. Их первоначальная цена была заоблачной. Когда Ли Жун убежал вниз за апельсиновым соком, отец не выдержал и спросил жену:

— Ты ведь знала, что я ищу эти книги, и купила их втайне?

Гу Нун лишь загадочно улыбнулась и покачала головой.

— Вовсе нет. Твой сын сам их выменял. Он сразу приметил этот комплект, разузнал у владелицы, что ей интересно, нашёл нужные книги на других лотках и в итоге отдал ей «Триста танских поэм».

Ли Цинли коснулся обложки и вздохнул:

— Но это же невероятно ценное издание. Наверняка на него сразу положили глаз знатоки. Не понимаю, как его не забрали раньше. Эта девушка точно не была твоей студенткой?

Гу Нун, наслаждаясь замешательством мужа, рассмеялась:

— Нет, она из Академии общественных наук, из Южного кампуса. Мы никогда не виделись. А хочешь знать, почему она согласилась на обмен?

Ли Цинли нахмурился, гадая:

— Неужели нашему сыну действительно так везёт?

— Студентка по секрету призналась мне, что готова была забрать те стихи с самого начала, — Гу Нун весело погладила мужа по щеке. — Просто ей хотелось подольше пообщаться с нашим сыном, вот она и гоняла его по всей площади. И причина была лишь одна: она нашла его очаровательным.

В то время Ли Жун ещё не вытянулся, его щёки были по-детски пухлыми, а большие глаза сияли живо и ярко. На осеннем ветру его лицо разрумянилось, и он действительно выглядел

как фарфоровая кукла.

Ли Цинли лишь развёл руками. Такое объяснение было трудно принять всерьёз — он-то надеялся, что сын проявил недюжинные таланты в психологии или ведении переговоров.

— Знаешь, я даже рада, — добавила тогда Гу Нун. — По крайней мере, «базовые настройки» у нашего мальчика что надо.

Сам Ли Жун, подслушивавший у двери с соком в руках, тогда совсем не обрадовался. Он-то думал, что победил благодаря интеллекту и упорству, а оказалось — просто из-за внешности.

Глядя на шумную толпу сейчас, юноша невольно улыбнулся, вспоминая те лица, что уже начали стираться из памяти. Время — мощный фильтр. То, что когда-то казалось досадным провалом, теперь виделось прекрасным моментом из прошлой жизни.

Он стряхнул нахлынувшую меланхолию и направился к знакомому лотку.

Тележка всё так же была завалена горой вязаных шапок, шарфов и варежек. Сама хозяйка тоже была в тёплой шапке собственного изготовления. Она то и дело разминала руки и отворачивалась, пряча лицо от резких порывов северного ветра. К тележке был привязан небольшой громкоговоритель, который хрипло и монотонно повторял:

— Шарфы, перчатки, шапки! Недорого, налетайте!

Ли Жун мягко улыбнулся:

— Тётушка.

— Меня зовут Сюй Танхуэй, — женщина подняла на него глаза и тут же принялась тереть озябшие ладони.

Выудив телефон из-под тяжёлой куртки, она стянула одну перчатку и открыла фотогалерею.

— Письма скачивать нельзя, так что я их сфотографировала. Это отзывы рецензентов. Можешь не волноваться.

Университет А имел особый статус во многих зарубежных научных журналах. Статьи, отправленные с внутреннего сервера вуза, проходили проверку в приоритетном порядке. Однако здесь строго следили за безопасностью: чтобы избежать утечек, отправитель должен был заходить под личным логином сотрудника. Для скачивания материалов требовалось совместное разрешение администрации Университета А и исследовательского института «Хунсо».

Рецензенты высоко оценили работу Ли Жуна. Правок было немного, требовалось лишь уточнить несколько деталей и ответить на вопросы. Судя по тону, после этого статью должны были принять в печать.

Юноша облегчённо выдохнул.

— Спасибо большое, тётя Хуэй. За вами никто не следил?

Сюй Танхуэй покачала головой и усмехнулась:

— Я торгую здесь уже десять лет, каждый день бегаю в библиотеку. Старые охранники уже давно носят мои перчатки, они ко мне привыкли и даже не смотрят, что я там делаю. Да и за аккаунтом профессора Ли сейчас никто не следит.

Кому бы пришло в голову, что человек, которого нет в живых, может прислать научную статью?

— Ещё раз спасибо, — кивнул Ли Жун. — Как только закончу с правками, приду снова.

— Ох, подожди! — Сюй Танхуэй окликнула его, порылась в глубоком кармане синей сумки и достала изящно вышитый амулет на удачу.

Она вложила его в руки юноши.

— Ты дал мне пароль профессора Ли... 1117 — это ведь твой день рождения? Он же через несколько дней. Я не знала, что подарить, вот, связала оберег. Сходила в храм, освятила его. Что бы ни случилось в будущем, ты должен жить долго и счастливо.

Ли Жун коснулся пальцами аккуратных стежков, и его ресницы дрогнули. В груди разлилась щемящая горечь.

— Я и... забыл совсем.

Раньше этот день был наполнен смыслом. Гу Нун сама пекла торт, а Ли Цинли брал камеру, чтобы сделать новые снимки для семейного архива. У него был целый альбом, запечатлевший каждый год его жизни, но эта летопись оборвалась на семнадцатилетии. С тех пор он перестал ждать праздников.

Цэнь Сяо прижал лезвие ножа к сонной артерии здорового противника. Тот замер, зрачки

его сузились. Спустя пару секунд мужчина попытался резко вскинуть правую руку для контратаки, но нож в пальцах Цэнь Сяо продвинулся ещё на миллиметр, а левая рука ловко выудила из кармана противника синий листок бумаги.

Поняв, что бумага потеряна, гигант обмяк и поднял руки, признавая поражение. Цэнь Сяо убрал нож и отступил на шаг, привычным движением складывая клинок в ладонь.

Тренер, тяжело дыша, сорвал с края ринга полотенце и вытер пот на шее.

— Нож припрятал, значит? Грязновато играешь.

Цэнь Сяо сложил отвоеванную бумажку и небрежно бросил её в урну под трибунами.

— А ты разве не прятал? — он холодно усмехнулся. — Я просто оказался быстрее.

Этот человек был инструктором по подготовке к вступительным экзаменам в Девятый район «Ланьшу». За последние годы десятки его учеников прошли строгий отбор. Почти каждый, кто метил в отряд «Призрачный глаз», приходил к нему на финальную проверку. Если тренер говорил «нет», можно было смело начинать готовиться к следующему году.

Инструктор припал к бутылке с водой, сделал несколько жадных глотков и протяжно выдохнул:

— Верно. В Девятом районе главное — результат, средства не важны. Те, кто слишком обременён моралью, вылетают первыми. Видимо, председатель Цэнь многому тебя научил.

Цэнь Сяо не стал спорить. Он взял свою куртку у ассистента, отложил тренировочный нож и направился в душ.

Тренер плюхнулся прямо на пол, переводя дух, и крикнул вдогонку:

— Эй! Твои раны... не надо обработать?

— Займись своими, — бросил Цэнь Сяо, не оборачиваясь.

— Мелкий засранец, — пробормотал мужчина, качая головой. — А выдержка как у старого волка.

Стоило дверям тренировочного зала закрыться, улыбка сползла с лица инструктора. Он подозвал помощника и что-то тихо продиктовал ему на ухо.

В душевой Цэнь Сяо начал стягивать тренировочную форму. Даже это простое движение заставило его заскрежетать зубами от боли, а лоб покрылся холодной испариной. Он взглянул в огромное зеркало: на бледной коже отчетливо проступали следы схватки.

Место удара на левом боку уже налилось густой чернотой; каждое дыхание отзывалось тупой, изнуряющей болью. Превозмогая муку, он осторожно прощупал ребра — к счастью, он успел уклониться в последний момент, иначе сейчас лежал бы в ОИТ. На спине тоже виднелись ссадины и кровоподтеки, а на левом предплечье остался след от острого края ринга.

Он открыл кран, позволяя горячим струям смывать соль и усталость, стараясь не думать о том, как нестерпимо садят раны под водой. Закончив, Цэнь Сяо переоделся и покинул здание.

Спустя полчаса отчёт с данными его физического состояния уже лежал на столе Цэнь Цина.

Председатель жестом велел секретарю выйти и развернул свежую распечатку. Он читал внимательно, и чем дальше скользил его взгляд, тем сильнее хмурились брови. В глазах мелькнуло недоумение.

В конце документа значилось резюме: «Полностью годен. Физические показатели превосходят результаты 99% кандидатов за последние десять лет».

— Как такое возможно... — прошептал Цэнь Цин.

Он ещё не успел нанять лучших инструкторов, не успел ввести сына в курс дела и обучить специфике работы в различных районах Торговой палаты. Если верить оценке, и если Цэнь Сяо так же блестяще справится с теорией, у него были все шансы стать капитаном одного из отрядов в «Призрачном глазе».

Лицо Цэнь Цина помрачнело. Он медленно опустил лист в шредер. Ему казалось, что сын стремится попасть в Девятый район куда сильнее, чем хотел того он сам.

Среда.

В экспериментальном классе только что закончилась проверочная работа по химии. С самого утра в кабинете то и дело раздавались тяжкие вздохи.

— Боже, я так хотел спать, что вырубился на середине теста.

— Серьёзно, это было слишком сложно. К выпускным экзаменам такое даже близко не имеет отношения.

— Да плевать, это всего лишь текущая проверка. Я спать.

— А мне показалось, что я неплохо справился. Вроде не так страшно, как раньше.

— Ну ещё бы... Ты же ходишь на дополнительные к Старосте.

Линь Цинь, воспользовавшись отсутствием учителя, сделал вид, что идёт за водой, и остановился у парты Цзянь Фу.

— Послушай, — шепотом спросил он, — послезавтра у Ли Жуна день рождения. Что вы с Цэнь Сяо приготовили? Дай мне хоть какую-то зацепку, а то я совсем голову сломал.

Цзянь Фу уставился на него с полным непониманием:

— Какой день рождения? Откуда ты взял?

Линь Цинь замер. Определенно, искать у Цзянь Фу совета в таких тонких делах было верхом наивности.

— В наших ученических билетах средние цифры — это дата рождения, — терпеливо объяснил он. — У Старосты это 1117. У Цэнь Сяо — 0412, а у тебя — 0607.

Собеседник вытаращил глаза:

— И ты всё это помнишь?

Линь Цинь лишь со вздохом покачал головой:

— Забудь. Пойду сам что-нибудь придумаю.

— Ты помнишь даже мой день рождения? — Цзянь Фу всё ещё не мог прийти в себя. Он-то считал, что товарищ по-настоящему ценит только Ли Жуна, ведь тот постоянно его опекал. Обычно в их компании на праздники снимали зал в отеле и звали всех подряд через общий чат. Никто и никогда не запоминал даты заранее — все просто ждали приглашения.

— Друзья ведь для того и нужны, — серьезно ответил Линь Цинь. — Я записал всё в календарь. Думал сегодня после вечерних занятий сходить на торговую улицу, только вот не знаю, что ему понравится.

Цзянь Фу это показалось диковинным. По его мнению, такая суета с подарками и сюрпризами была уделом девочек. Или все люди искусства такие странные?

— Ни я, ни мой брат об этом не знали, — признался он. — Если пойдёшь что-то покупать, возьми и от нас тоже.

— ...Лучше сам посмотри. — Линь Цинь уже хотел уйти, окончательно разочаровавшись в беседе.

Но Цзянь Фу вдруг ухватил его за край куртки. Юноша как раз шагнул вперед, молния куртки предательски расстегнулась, и широкий воротник сполз с плеча.

— Ты мне сейчас одежду порвёшь, — обреченно пробормотал Линь Цинь, поправляя форму. — Что ещё?

— Я пойду с тобой, — с энтузиазмом заявил Цзянь Фу. — Всё равно на вечернее самообучение идти неохота.

Линь Цинь не смог отбиться и лишь тихо проворчал:

— Я иду за подарком, а ты — просто чтобы прогулять.

Ли Жун в этот день был в прекрасном настроении, хотя к дню рождения это не имело никакого отношения. Всю ночь он вносил правки в статью, и теперь был уверен, что работа практически идеальна.

Подперев подбородок рукой, он наблюдал за перешёптывающимися Линь Цинем и Цзянь Фу.

«Когда это они так спелись? — пробормотал он. — Сказали, что ужинать с нами не пойдут»

— Кто их разберет, — отозвался Цэнь Сяо.

Он мельком глянул на свою контрольную по химии, сложил её и убрал в стол. На листе красовалась жирная «пятерка», выведенная рукой Ян Фанфан. С тех пор как Цэнь Сяо вошёл в десятку лучших по итогам пробного экзамена, скрывать успехи больше не имело смысла. К тому же теперь он был живой рекламой репетиторских талантов Старосты, и портить репутацию своего «наставника» было нельзя.

Ли Жун потянулся, чтобы дружески похлопать Цэнь Сяо по руке:

— Пойдём поедим...

Договорить он не успел. Под ладонью он почувствовал, как мышцы Цэнь Сяо мгновенно окаменели. Собеседник непроизвольно отпрянул, а на его скулах заиграли желваки от резкого

сцепления челюстей.

Ли Жун нахмурился. Он внимательно оглядел спутника, медленно убрал руку и осторожно спросил:

— Что случилось?

Цэнь Сяо чуть повел плечом и бросил как бы невзначай:

— Ничего. Статическое электричество.

Юноша промолчал, лишь спустя мгновение задумчиво кивнул:

— Да, зимой это вечная проблема.

Он не стал настаивать, но всё было очевидно: Цэнь Сяо ранен. Удар Ли Жуна был совсем лёгким, но Цэнь Сяо не смог скрыть вспышку боли. Значит, травма серьезная. На прошлой неделе всё было в порядке — что же произошло за эти выходные?

Кто посмел поднять руку на сына председателя Третьего района? И кто вообще способен нанести Цэнь Сяо такие повреждения?

В голове всплыли слова Ян Фанфан: «Как классный руководитель, я кое-что слышала... Цэнь Сяо собирается в Девятый район. Подумай об этом».

Тогда Ли Жун решил, что это будет ему на руку. Он не сомневался, что и Цэнь Сяо это понимает. Но сейчас, вспомнив предостережение учительницы, он первым делом подумал о другом.

«Подготовка к экзаменам в Девятый район, должно быть, дается ему ох как непросто»

<http://bllate.org/book/15351/1422813>